

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОС УДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 47

Ред. С.А. Елисеев, В.А. Уткин

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

ней определяются не «законы», а условие и субъекты, на которых оно распространяется: «Порядок уголовного судопроизводства, установленный настоящим Кодексом, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства». Часть третья, так же как и предшествующая, по смысловой нагрузке соответствует условиям действия закона, но никак не ему. Термины, которые используются при изложении данной части, – «договоры», «принципы и нормы» – не могут быть законами. Применяв их законодатель тем самым по смысловому значению поставил между ними знак равенства и отнёс их к законам.

Представляется, что устранение данных противоречий возможно путём использования аналогии с названием и изложением ст. 1 Уголовного законодательства РФ. В связи с этим ст. 1 УПК РФ могла бы быть изложена в следующей редакции:

«Статья 1. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

1. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса, который устанавливает порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации, являющийся обязательным для всех его участников. Новые законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства, подлежат включению в настоящий Кодекс.

2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации.

3. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора».

ПОТЕРПЕВШИЙ: УЧАСТНИК, ДЕЙСТВУЮЩИЙ НА СТОРОНЕ ОБВИНЕНИЯ, ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ СТОРОНА?

Т.В. ТРУБНИКОВА

В Постановлении от 15 января 1999 г. № 1-П Конституционный Суд РФ указал, что потерпевший заинтересован, в частности, в том, чтобы способствовать раскрытию преступления, установлению истины по делу, изобличению преступника и справедливому воздаянию за содеян-

ное. При этом Конституционный Суд признал за потерпевшим права стороны по уголовному делу («стороны, противостоящей обвиняемому (подсудимому)»), а в более поздних актах конкретно указал на отнесение потерпевшего к стороне обвинения. Вслед за ним и законодатель в УПК РФ отнес потерпевшего к числу участников, действующих на стороне обвинения, а также (в ст. 42 УПК РФ) закрепил за ним право поддерживать обвинение.

В отличие от этого Европейский суд по правам человека считает, что потерпевший не является субъектом «права на месть» и, соответственно, в уголовном процессе он не действует на стороне обвинения, а реализует собственные интересы. На этой основе Европейский суд отметил, что гражданского истца (потерпевшего) нельзя считать ни оппонентом стороны обвинения, ни ее союзником, учитывая тот факт, что их соответствующие роли и цели абсолютны различны¹. Однако потерпевший в то же время, по мнению Европейского суда, является **самостоятельной стороной** в процессе, и ему принадлежат, как минимум, все права, имеющиеся у стороны в гражданском процессе. В частности, его право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное п. 1 ст. 6 Конвенции, включает право представлять любые замечания, которые он считает относящимися к их делу, с тем, чтобы суд был обязан выслушать их и мог принять решение с их учетом. Таким образом, Европейский суд не считает, что потерпевший действует на стороне обвинения и, соответственно, его права не могут поглощаться полномочиями прокурора.

В то же время, по мнению Суда, ст. 6 Конвенции применима к судебным разбирательствам, в ходе которых рассматриваются (могут рассматриваться) гражданские иски, даже на стадии предварительного расследования, взятой отдельно². То есть вопрос о соблюдении права потерпевшего на доступ к суду встает и тогда, когда в возбуждении уголовного дела по его заявлению было отказано или если производство по уголовному делу было прекращено на досудебной стадии. При этом потерпевшие должны иметь возможность оспаривать решение, принятое прокуратурой (а для РФ – и органами предварительного следствия), не продолжать расследование, в том числе путем предоставления им возможности самим начать и осуществлять такое расследование.

Поскольку в силу ст. 15 Конституции РФ и ФЗ РФ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к

¹ См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Перес против Франции» от 12 февраля 2004 года (жалоба № 47287/99). П. 68// СПС «КонсультантПлюс».

² Там же. П. 66.

ней» от 30.03.1998 г., положения указанной Конвенции обязательны для РФ в том их толковании, которое дается Европейским судом, и, следовательно, не могут применяться в РФ законы, ограничивающие права граждан по сравнению с правами, предоставленными им Европейской Конвенцией, возникает вопрос: какой из этих двух подходов в большей степени позволяет защитить права потерпевшего?

Реалии уголовно-процессуального законодательства РФ и практики его применения свидетельствуют о том, что отнесение потерпевшего к числу субъектов, действующих на стороне обвинения, не предоставляет ему каких-то дополнительных возможностей (по сравнению с его положением как самостоятельной стороны в процессе), поскольку не сопровождается предоставлением ему реальных полномочий, необходимых для осуществления потерпевшим обвинительной деятельности наряду с государственным обвинителем (или вместо него). Напротив, такое определение процессуального положения потерпевшего служит обоснованием для поглощения его полномочий полномочиями следователя и государственного обвинителя¹. Так, в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ, потерпевший лишается прав стороны судебного разбирательства, так как он не имеет реальной возможности довести до суда свою позицию по вопросу о прекращении уголовного дела (поскольку суд не вправе учесть ее при вынесении решения). В этой ситуации представляется не гарантирующим реальное право потерпевшего на судебную защиту, на доступ к правосудию, на справедливое судебное разбирательство Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П, в котором Суд, обосновав наличие у потерпевшего права иметь реальную возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда, не нашел нарушения конституционного права на судебную защиту в положении, при котором суд, заслушав мнение потерпевшего, не имеет возможности учесть это мнение при вынесении итогового решения по делу. При таких условиях заслушивание мнения потерпевшего судом по вопросу о прекращении дела, очевидно, превращается в формальность, в бессмыслицу, а само право потерпевшего на судебную защиту в этом случае приобретает иллюзорный характер. Более того, отказ потерпевшему в судебной защите не может быть компенсирован и в последующем, поскольку обжалование потерпевшим постановления о прекращении уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения также представляет

¹ См., например: *Мизулина Е.Б.* Поправки в УПК РФ: правовая необходимость или политическая целесообразность // Уроки реформы уголовного правосудия в России / Отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина. М.: Норма, 2007. С. 105–106.

лишь иллюзорную, а не реальную возможность защиты его прав, ввиду того, что такое постановление выносится судом в полном соответствии с законом.

Таким образом, существующее нормативное определение правового положения потерпевшего в уголовном процессе требует корректировки с тем, чтобы потерпевшему в уголовном судопроизводстве были реально (а не формально) предоставлены все права самостоятельной стороны.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Н.С. Тюрин

В соответствии со ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» установлено, что предметом прокурорского надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Кроме того, в ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что по требованию прокуроров руководители органов, осуществляющих ОРД, представляют им оперативно-служебные документы, включающие в себя дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий. Об этом говорит Приказ Генерального прокурора РФ от 21 декабря 2007 г. № 207 «Об организации прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Таким образом, можно сделать вывод, что прокуратура – единственный государственный орган, осуществляющий на деле надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем прокуратура не всегда имеет возможность для реагирования на нарушения в этой сфере деятельности. В связи с изменениями действующего уголовно-процессуального законодательства произошло урезание полномочий